

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 2

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ли Еюй</i> К вопросу о культурных взаимодействиях между Таримской и Ферганской впадинами в эпоху поздней бронзы.....	7
<i>Наджафов Ш.Н., Асадов В.А.</i> Печати и пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: ареал распространения и особенности (этноархеологическое исследование).....	30
<i>Ковалев А.А.</i> Раннетесинские склеповые захоронения как свидетельство практики выставления трупов (по материалам раскопок кургана Аршаново-30 в Койбальской степи)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Фролов Я.В., Федорук А.С., Панин Д.В.</i> Бронзовые бляхи и подвески из женских погребений Староалейской культуры.....	122
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю.</i> Технология компьютерного анализа геометрии цифровых копий изваяний для автоматического распознавания изображений (на примере «оленного» камня из Тувы).....	152
<i>Дашковский П.К., Демин М.А.</i> Комплексная хронология и атрибутация артефактов из вторичных погребений могильника скифской эпохи Ханхаринский Дол (Алтай).....	169

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Слепцов Е.П., Егорова А.И.</i> Нормы предбрачного и брачного поведения женщин в традиционной культуре малочисленных народов Якутии: кросс-культурный анализ.....	195
<i>Тажетдинова Б.Н.</i> Традиции дарообмена в свадебных торжествах каракалпаков.....	212

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кольченко В.А.</i> Зороастрийские погребения Чуйской долины	227
<i>Боталов С.Г.</i> Манихейский и буддийско-индуистский комплекс в материалах протовенгерского населения Южного Урала.....	267
<i>Ван Тин, Войтишек Е.Э.</i> Распространение и развитие тибетского буддизма с VII по XIII в. (обзор по китайским материалам)	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> “To see the spiritual homeland of Christians”: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries	311

ДЛЯ АВТОРОВ	326
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, №2

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Li Y.</i> On the question of cultural interactions between the Tarim Basin and the Fergana Basin in the Late Bronze Age	7
<i>Najafov Sh. N., Asadov V.A.</i> Clay seals and pintaders of the khojali-gedabey culture: characteristics and the area of distribution (ethno-archaeological research)	30
<i>Kovalev A.A.</i> Early Tes' mass graves as evidence of the practice of exposure of corpses (based on the excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Koibal steppe)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Frolov Ya. V., Fedoruk A. S., Papin D. V.</i> Bronze plaques and pendants from women's burials of the Staroalely culture	122
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu.</i> Technology of computer analysis of the geometry of digital copies of sculptures for automatic image recognition (using the example of the “deer” stone from Tuva).....	152
<i>Dashkovskiy P.K., Demin M.A.</i> Complex chronology and attribution of artifacts from secondary burials of the burial ground of the scythian era Khankharinsky Dol (Altai).....	169

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Sleptsov E.P., Egorova A.I.</i> Norms of premarital and marital behavior of women in the traditional culture of indigenous minorities of Yakutia: a cross-cultural analysis	195
<i>Tazhetdinova B. G.</i> Traditions of gift exchange in karakalpak wedding celebrations	212

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Kolchenko V.A.</i> Zoroastrian burials of the Chuya Valley.....	227
<i>Botalov S.G.</i> Manichaeism and Buddhist-Hindu complex in the materials of the proto-Hungarian population of the Southern Urals	267
<i>Wang T., Voytishek E. E.</i> Overview of the Spread and Development of Tibetan Buddhism from the 7 th to the 13 th Centuries (Based on Chinese materials).....	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> “To see the spiritual homeland of Christians”: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries.....	311

FOR AUTHORS	326
--------------------------	-----

УДК 903.532; 393.05.9
DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

А. А. Ковалев

Институт археологии РАН, Москва (Россия)

РАННЕТЕСИНСКИЕ СКЛЕПОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРАКТИКИ ВЫСТАВЛЕНИЯ ТРУПОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНА АРШАНОВО-30 В КОЙБАЛЬСКОЙ СТЕПИ)

В ходе раскопок кургана Аршаново-30, относящегося к раннему периоду тесинской культуры (тесинского этапа тагарской культуры), была исследована его основная коллективная могила («склеп», могила 9): первая известная гробница такого рода, не потревоженная грабителями. Результаты зачистки костей и погребального инвентаря на дне склепа дают основания полагать, что здесь захоранивались не только отдельные кости, но и фрагменты человеческих тел, что, скорее всего, было результатом их предварительного разложения. С юга от склепа располагалась каменная площадка, которая могла использоваться для выставления трупов. Аналогичные площадки найдены при раскопках других раннетесинских курганов. В статье приводятся аргументы в пользу того, что в качестве вероятной причины религиозной трансформации тагарской культуры на этом этапе (исчезновение «звериного стиля», новые формы погребения и курганной архитектуры) нужно рассматривать влияние традиций Турана, где выставление трупов и захоронение разложившихся останков практиковалось издревле. Кроме того, переход к тесинскому обряду захоронения не был связан с хуннской экспансией, а произошел на 100 лет раньше, на рубеже IV–III вв. до н. э., как показывают аналогии тесинскому погребальному инвентарю в хорошо датированных памятниках пазырыкской культуры, а также полученные по костям животных из склепа кургана Аршаново-30 две ^{14}C даты (AMS): GV-04362 2271 $\pm$ 33 некал. л. н.; GV-04363 2291 $\pm$ 33 некал. л. н.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Средняя Азия, тесинская культура (тесинский этап тагарской культуры), сарагашенский этап тагарской культуры, пазырыкская культура, Авеста, бронзовые votivные предметы, погребальный обряд, выставление трупов.

Для цитирования:

Ковалев А. А. Раннетесинские склеповые захоронения как свидетельство практики выставления трупов (по материалам раскопок кургана Аршаново-30 в Койбальской степи) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 2. С. 59–85. DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

Ковалев Алексей Анатольевич, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** chemurchek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>

A. A. Kovalev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

EARLY TES' MASS GRAVES AS EVIDENCE OF THE PRACTICE OF EXPOSURE OF CORPSES (BASED ON THE EXCAVATIONS OF THE ARSHANOVO-30 KURGAN IN THE KOIBAL STEPPE)

During excavations of the Arshanovo-30 burial mound (early period of the Tes' culture or of Tes' stage of the Tagar culture), its main mass grave («crypt», grave 9) was investigated: the first known tomb of this kind, undisturbed by robbers. The results of cleaning the bones and grave goods at the bottom of the crypt give reason to believe that not only individual bones but also fragments of human bodies were buried here, which was most likely the result of their preliminary decay. To the south of the crypt there was a stone platform, which could have been used for exposure of corpses. Similar platforms were found in other early Tes' burial mounds. The article presents arguments in favor of the fact that the probable cause of the religious transformation of the Tagar culture at this stage (the disappearance of the «animal style», new forms of burials and kurgan architecture) should be considered the influence of the traditions of Turan, where the exposure of corpses and the burials of decomposed human remains have been practiced since ancient times. In addition, the transition to the Tes' burial rite was not associated with the Xiongnu expansion, but occurred a hundred years earlier, at the turn of the 4th-3rd centuries BC, as shown by analogies of Tes' burial goods in well-dated graves of the Pazyryk culture, as well as two ^{14}C dates (AMS) obtained from the bones of animals from the crypt of the Arshanovo-30 barrow: GV-04362 2271 ± 33 BP; GV-04363 2291 ± 33 BP.

Keywords: Republic of Khakassia, Central Asia, Tes' culture (Tes' stage of Tagar culture), Saragash stage of Tagar culture, Pazyryk culture, Avesta, bronze votive objects, burial rite, exposure of corpses.

For citation:

Kovalev A. A. Early Tes' mass graves as evidence of the practice of exposure of corpses (based on the excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Koibal steppe). *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 59–85. DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

Kovalev Alexey Anatolievich, Scientific fellow of department of archaeological heritage preservation of Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Contact address: chemurchek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>

Введение

В июле — августе 2022 г. Бейским отрядом Института археологии РАН были проведены спасательные раскопки одиночного кургана Аршаново-30, попадающего в полосу отвода строительства железнодорожной инфраструктуры Бейского угольного месторождения. В результате работ было установлено, что первоначальным сооружением в кургане была подквадратная ограда размерами в плане 19,5×19,5 м из установленных на ребро каменных плит, ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 15 градусов против часовой стрелки. Ограда была сильно разрушена в древности, особенно в западной части. Сохранившиеся *in situ* плиты ограды были в основном вкопаны на незначительную глубину (0,1–0,3 м от древней поверхности) и подпирались снаружи установленными на ребро камнями-контрфорсами.

Результаты раскопок склепа

В середине огражденной площадки была выкопана подквадратная яма (склеп, могила 9) около 6 м в поперечнике¹, ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 8° против часовой стрелки, глубиной около 2,5 м от древней дневной поверхности. Выкиды материкового щебня из ямы легли к западу и востоку от нее, причем с востока в разрезе было прослежено, что выкид налегал на стенку ограды, которая служила препятствием для его расширения. На дне ямы, на дощатом полу, было устроено коллективное захоронение человеческих останков (по предварительной оценке — от нескольких сот человек) с погребальным инвентарем, не потревоженное при последующих прокопах (рис. 1). Склеп изначально был на уровне древнего горизонта перекрыт бревнами в один (два?) наката (фрагменты этих бревен сохранились у бортов ямы). После завершения захоронений в склепе перекрытие могилы 9 подверглось воздействию огня. Затем все сооружение было перекрыто насыпью из мешаного гумусированного суглинка с включениями кусков дерна. Через некоторое время с поверхности насыпи в центре кургана была выкопана бесформенная яма с пологими стенками размерами в плане 3,2×2,6 м, глубиной 2,7 м, глубоко врезавшаяся в заполнение могилы 9, но не затронувшая захоронения на ее дне. На дне этой ямы было устроено безынвентарное захоронение останков не менее 40 человек, чьи тела и фрагменты тел были бессистемно набросаны друг на друга (могила 5). После совершения захоронений яма была засыпана мешаным гумусированным суглинком, практически не отличавшимся от насыпи (заполнение прослеживалось в разрезах). В заполнении этой ямы позже (в таштыкское время) было устроено костяк останков домашних животных². Каких-либо следов ограбления кургана не прослежено.

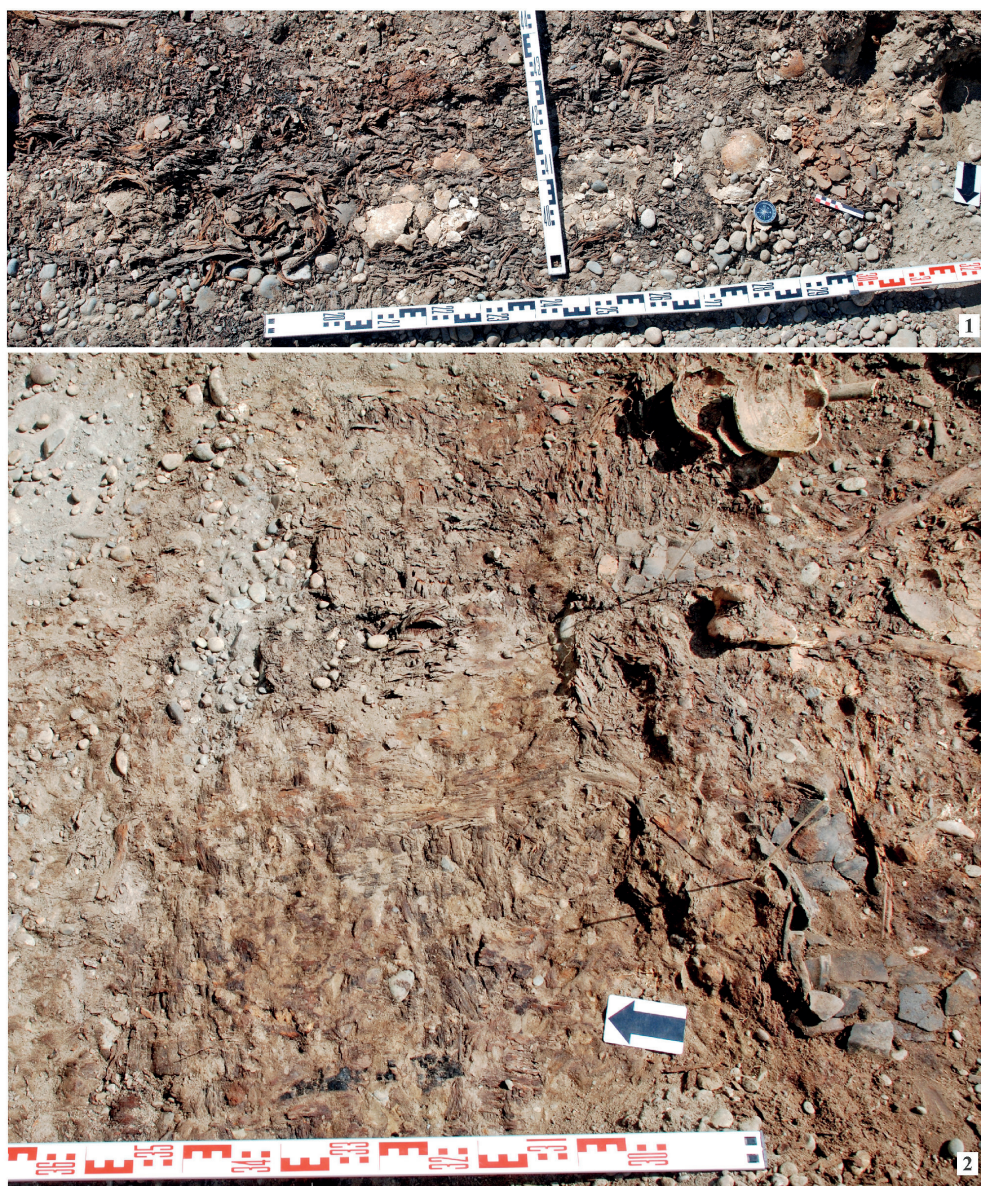
¹ Стенки ямы в материковом щебне оползли и не прослеживались даже у ее дна, их конфигурация устанавливается по расположению фрагментов деревянных конструкций.

² По кости животного из костяка получена ¹⁴C дата GV-04361: 1732±33 л. н., 247 (95,4%) 406 CalAD (калибровка в программе OxCal v4.4.4.).

Судя по составу погребального инвентаря склепа (бронзовые votивные копии кинжалов, чеканов, зеркала с центральной петелькой, ножи, подвески-пирамидки, чешуйки слюды, характерная керамика, отсутствие изделий из железа), а также особенностям архитектуры кургана, он входит в круг «курганов-склепов раннетесинского периода» [Пшеницына, 1992: 234; Кузьмин, 2011: 33–34, 192–203]. От типологически предшествующих тагарских курганов т. н. «лепешкинского» этапа, в том числе эпонимного кургана у с. Лепёшкино, его отличают не только особенности конструкции, но и полное отсутствие предметов в зверином стиле, ПНН, «штандартов» [Вадецкая, 1986: 118; Кузьмин, 2011: 31–33, 38, 40, 43–45, 55–58; Герман, Субботин, Боброва, 2023: 142–144]. Соответствуют указанным критериям отнесенные к раннетесинским курганы Маяк, к. 8, Большое Русло, Степновка-II, к. 1, Чалпан-I, к. 1 и к. 2, Лисий (склеп «а»), Тогр-Таг, к. 1, Летник-II, к. 4 мог. 1, Новый Сарагаш, Разлив-I, к. 3, мог. 2 (впускное погр.) [Кузьмин, 2011: 33–34, 199–203, 251–300], а также, судя по инвентарю, склепы в курганах у с. Сухобузимское, у д. Карымское, у д. Татарская [Вадецкая, 2022], в кургане Шинное Кладбище-1 [Виноградов, 2022].

Рис. 1. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Вид с востока
Fig. 1. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. View from the east

Рис. 2. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Фрагменты: 1 — плетенка из луба (?), черепа и развалы сосудов (н. № 123, № 157) у северной стенки (вид с севера); 2 — плетенка из луба (?), кости и развалы сосудов (н. № 199, № 200) у северо-восточного угла (вид с запада)

Fig. 2. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. Fragments: 1 — bast wickerwork (?), skulls and broken vessels (No. 123, No. 157) near the northern side (view from the north); 2 — bast wickerwork (?), bones and broken vessels (No. 199, No. 200) near the north-eastern corner (view from the west)

Рис. 3. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30: 1 — кости и погребальный инвентарь на материковом затеке у южной стенки ямы, вид с северо-запада); 2 — скелет Б5 с керамическим сосудом (н. № 53) и бронзовым зеркалом (н. № 54), вид с запада; 3 — скелеты Б1, Б2, фрагмент скелета Б2а, бронзовый чекан (н. № 171), два бронзовых ножа (н. № 172), вид с запада

Fig. 3. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound: 1 — bones and grave goods on the talus near the southern wall of the pit, view from the north-west); 2 — skeleton B5 with a ceramic vessel (No. 53) and a bronze mirror (No. 54), view from the west; 3 — skeletons B1, B2, fragment of skeleton B2a, bronze pick-axe (No. 171), two bronze knives (No. 172), view from the west

Зачистка костей погребенных на дне склепа показала, что их сохранность в большинстве случаев не позволяет без полного разрушения отделить их друг от друга и от тлена досок пола, хотя в нескольких местах они перемежались циновками, плетеными из луба (?); кости и находки залегают как под этой плетенкой, так и на ней (рис. 2). Кости лежали в три-четыре слоя, они спеклись в единую массу и зачистить отдельные фрагменты тел в сочленении удавалось в единичных случаях. Многие кости уже рассыпались в прах (рис. 3.-2). В тех случаях, когда открывались не отдельные кости, а фрагменты скелетов в сочленении, их фиксация была возможна у стенок ямы, поскольку здесь они быстро перекрывались осыпями материкового галечника. Так, около северной стенки ямы были зафиксированы три головы (черепа с нижними челюстями) и два глиняных сосуда, уложенные в ряд на плетенку (рис. 2.-1), у западной стенки — два изначально неполных скелета с бронзовым инвентарем (рис. 3.-3), у южной стенки под мощным слоем осыпи — целый скелет человека, захороненного с бронзовым зеркалом и глиняным сосудом (рис. 3.-2). Этот последний скелет был перекрыт плетенкой и материковыми натеками, на которых залегают кости и артефакты, затоптанные и растащенные при неоднократных актах подхоронения (зафиксированы на первом этапе зачистки, рис. 3.-1). Отсюда, с южной стороны, где у края ямы размещалась ритуальная площадка (см. ниже), скорее всего, заносили останки с поверхности.

При зачистке на всей площади можно было проследить, что захоранивались не целые тела или скелеты, а их фрагменты, поскольку открывающиеся кости не находили своего анатомического продолжения. При этом сопроводительный инвентарь залегал в относительном порядке. Зачищены многочисленные развалы керамических сосудов, на которых и под которыми фиксировались разрозненные человеческие кости или останки частей трупов (рис. 2, 3.-2, 4). Зафиксированы комплекты бронзовых предметов (зеркало — нож — шило, кинжал — нож, кинжал — чекан, комплекты парных пирамидок и т. п.) (рис. 5). Все это свидетельствует об отсутствии намеренного вмешательства в положение останков после их захоронения.

Рис. 4. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Развалы сосудов. 1 — н. № 200; 2 — н. № 99, бронзовый чекан н. № 100; 3 — н. № 92, бронзовый кинжал н. № 91; 4 — н. № 66, 67, бронзовое зеркало н. № 65; 5 — н. № 118; 6 — н. № 116, бронзовый кинжал н. № 117

Fig. 4. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 mound. Discarded vessels. 1 — item No. 200; 2 — item No. 99, bronze pick-axe No. 100; 3 — item No. 92, bronze dagger No. 91; 4 — items Nos. 66, 67, bronze mirror No. 65; 5 — item № 118; 6 — item № 116, bronze dagger № 117

Рис. 5. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Комплекты бронзовых предметов. 1 — зеркало (н. № 216) и нож (н. № 215); 2 — кинжал и нож (н. № 93); 3 — нож и зеркало (н. № 188); 4 — кинжал и нож (н. № 225)

Fig. 5. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. Sets of bronze artifacts. 1 — mirror (№ 216) and knife (№ 215); 2 — dagger and knife (№ 93); 3 — knife and mirror (№ 188); 4 — dagger and knife (№ 225)

Понять характер захоронения человеческих останков в склепе помогает уникальная ситуация у восточной стенки могилы. В этом месте после совершения на дощатом полу нескольких захоронений произошел мощный обвал материковой гальки. Образовавшийся выступ высотой около метра был обнесен тыном или лубяными циновками, а на его поверхности продолжали совершать захоронения. Таким образом сформировались два уровня захороненных останков, каждый практически в один слой, которые можно было зачистить. Наверху уступа были совершены захоронения 11–12 фрагментов человеческих тел, включая один почти целый труп (рис. 6.-1), а внизу, на дощатом полу сруба — захоронения двух неполных тел, отдельных фрагментов конечностей и трех голов (череп с нижней челюстью) (рис. 6.-2).

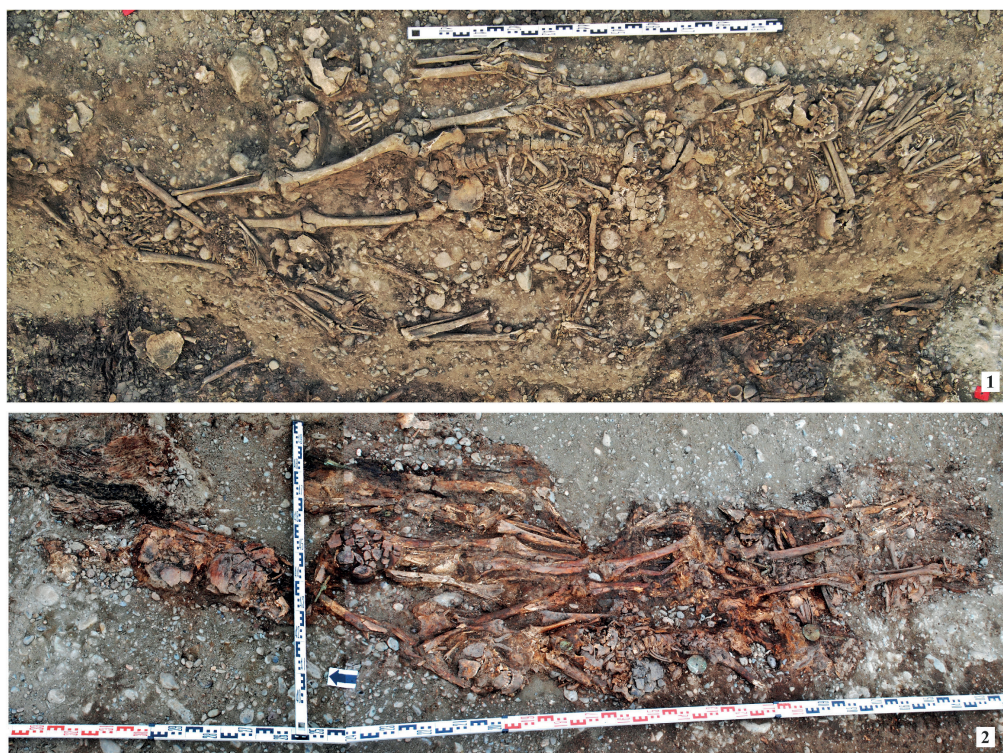

Рис. 6. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. 1 — человеческие останки на поверхности материкового оползня у восточной стенки, вид с запада; 2 — человеческие останки на полу склепа под материковым оползнем у восточной стенки, вид с запада
 Fig. 6. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. 1 — human remains on the surface of the talus near the eastern wall, view from the west; 2 — human remains on the floor of the crypt under the talus near the eastern wall, view from the west

Таким образом, укладывавшиеся в склеп человеческие останки уже были фрагментированными, что позволяет говорить об их предварительном разложении или, что менее вероятно, расчленении (нами была обнаружена только одна рассеченная длинная кость — бедренная: два фрагмента на затоптанной площадке у южной стенки ямы, рис. 3.-1). Исследователи раннетесинских склепов отмечают крайне неудовлетворительную сохранность и фрагментированность останков на дне могил, однако прийти к выводу о намеренном захоронении здесь фрагментов человеческих тел не позволяла высокая степень разрушения погребений грабителями. В нашем случае этот фактор отсутствует.

Интерпретация свидетельств погребального обряда

125 лет назад в статье «Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма» выдающийся русский ученый Александр Андреевич Спицын писал: «Если признать вероятным, что трупы до погребения в склепах предварительно помещались на бо-

лее или менее продолжительное время вне их, например хотя бы на таких деревянных подмостках, как у некоторых современных инородцев Сибири, то в данном обряде нельзя не видеть следов влияния учения Зороастра, выродившегося на сибирской почве в шаманизм» [Спицын, 1899: 140]. Основанием для такого предположения послужили полевые наблюдения А. В. Адрианова и Д. А. Клеменца при раскопках тагарских и таштыкских курганов. Спицын указывал: «...В склепы сносились не одни кости без мяса и сухожилий, так как отдельные части костяков в них нередко имеют и правильное расположение. Г. Адрианов замечал, что иногда кости, находясь в ямах, имеют следы выветривания, и что нередко количество черепов не соответствует числу других костей скелета»³. Данные дореволюционных раскопок были подтверждены в советское время на материалах поздних сарагашенских и особенно тесинских памятников, в которых многократно фиксировались парциальные захоронения. Наиболее раннее захоронение эскарнированных костей (женщины и подростка) было обнаружено под полом сруба сарагашенской могилы 3 кургана Новомихайловка 1 (могила 3а) [Кузьмин, 1994: 17]. Инвентарь обеих могил относит их к поздним сарагашенским, но не «лепешкинским» памятникам [см. Кузьмин, 1994: рис. 15–20] (рис. 7.-1). Массовые захоронения фрагментов человеческих тел зафиксированы при раскопках впускных погребений 3 и 6 в раннетесинский курган 8 мог. Маяк под Саяногорском [Кузьмин, 2011: табл. 10, 11, Приложение 5] (рис. 7.-2). Судя по найденным в этих могилах глиняным сосудам [Кузьмин, 2011: табл. 14], они относятся к раннетесинскому времени. Не затронутые грабителями тесинские могилы более позднего периода демонстрируют несомненные случаи захоронения отдельных частей человеческих тел [Кузьмин, 2011: 166–167].

Эти останки сегодня интерпретируются как следствие искусственной эскарнации либо естественного разложения во «временных могилах», где трупы умерших «хранились долгое время» в ожидании теплого времени года или установленной ритуалом даты [Кузьмин, 2011: 166–170]. Идея А. А. Спицына об обряде выставления трупов согласно «учению Зороастра» оказалась прочно забытой, хотя еще в 1980-х гг. Н. Ю. Кузьмин предлагал обратиться к материалам среднеазиатских оссуарных захоронений в поисках объяснения особенностей тесинского погребального обряда [Кузьмин, 1982; 1984]. Мнение Н. Ю. Кузьмина, крупнейшего исследователя тесинских древностей, постепенно изменялось. В 1994 г. он объяснял появление в сарагашенский период захоронений полуразложившихся трупов и очищенных костей «распространением

³ Любопытно, что С. И. Руденко [1960: 313–314] выдвинул версию о намеренном выставлении трупов на поверхности земли в раннетагарское время, причем с погребальным инвентарем: «Я предполагаю, что захоронению в грунтовых ямах предшествовало трупоположение на поверхности земли. Вместе с трупом умершего ... клались вещи, принадлежавшие покойникам. Трупы нередко, по-видимому, тревожили хищники, а большинство вещей после захоронения останков в грунтовых могилах оставались на месте. Во время моих раскопок... был вскрыт ряд заведомо непотревоженных вторичных погребений, причем в них нередко кости скелета лежали в полном беспорядке, иногда отсутствовали части скелета..., в то время как остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке». Так он объяснял «невероятно большое» количество случайных находок тагарских бронзовых вещей. Последующие исследования показывают, что исследователь имел дело, скорее всего, с костяками, потревоженными при подхоронениях, а не с парциальными останками.

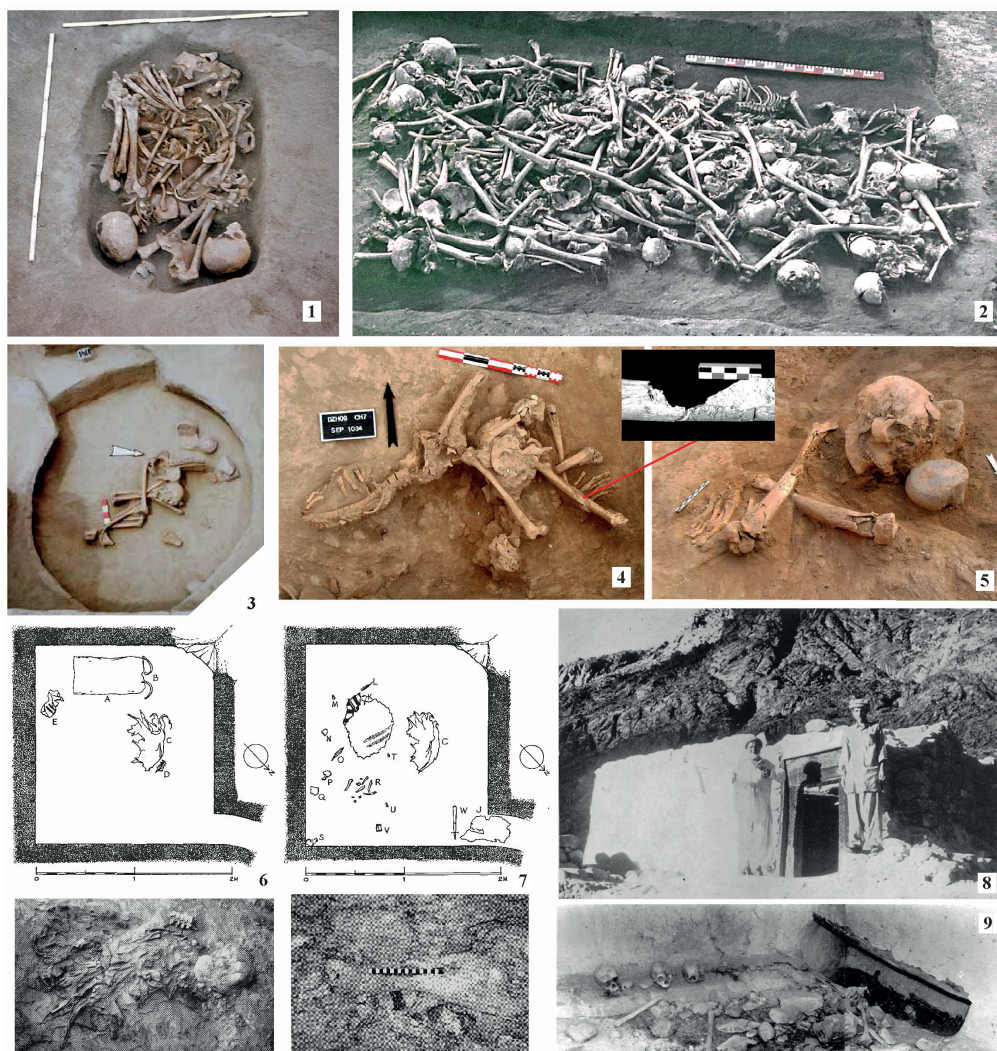

Рис. 7. Захоронения фрагментов человеческих тел. 1 — курган Новомихайловка 1, мог. 3а (эскарпированные кости); 2 — курган Маяк 8, мог. 6; 3 — могильник Бустон VI (Узбекистан), мог. 140; 4, 5 — пос. Джаркутан (Узбекистан), погр. 1034, две стадии зачистки, погрыз на бедренной кости; 6, 7 — Шахр-и Кумис (Иран), захоронение в помещении 23, стадии зачистки I и III; 8, 9 — «дом мертвых» у дер. Бубур (Гилгит-Балтистан), общий вид, вид нижней камеры. Источники в тексте статьи

Fig. 7. Burials of human body fragments. 1 — Novomikhaylovka mound 1, grave 3a (escarpment bones); 2 — Mayak mound 8, grave 6; 3 — Buston VI burial ground (Uzbekistan), grave 140; 4, 5 — Jarkutan settlement (Uzbekistan), burial 1034, two stages of cleaning, gnaw on a femur; 6, 7 — Shahr-i Qumis (Iran), burial in room 23, cleaning stages I and III; 8, 9 — «house of the dead» near the village of Bubur (Gilgit-Baltistan), general view, view of the lower chamber. Sources in the text of the article

верований, близких зороастризму» [Кузьмин, 1994: 33–34], однако впоследствии не распространял этот вывод на тесинские парциальные погребения, предпочитая рассматривать их в свете идеи о «шаманистских» корнях религиозно-мировоззренческих представлений тесинского общества [Кузьмин, 2011: 235].

Тем не менее именно идея о проникновении в Минусинскую котловину на исходе «скифского» времени комплекса религиозных представлений из Турана должна считаться рабочей гипотезой для объяснения массовых захоронений фрагментов человеческих тел и отдельных костей, примером которых является навал останков, обнаруженный нами в склепе кургана Аршаново-30. Это направление поиска нужно считать ведущим, поскольку именно в Средней Азии (в отличие от Сибири или Алтая) подобные традиции во II–I тыс. до н. э. развивались в различных izvodaх; в основе обряда выставления трупов лежали представления древних индоиранских племен о вознесении души на небеса [Boys, 1996: 113–114]. Изучению материальных свидетельств погребальной практики древнего маздаизма посвящена обширная литература [Иностранцев, 1909; Раппопорт, 1971; Литвинский, 1972: 199–210; Мейтарчиян, 1999: 55–95; Huff, 2004; Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 39–50]. Влиянием маздаизма, по мнению П. К. Дашковского, объясняется появление вторичных захоронений в памятниках скифского времени как на Алтае (пазырыкская культура), так и на сопредельных территориях [Дашковский, 2011: 124]. П. К. Дашковский связывает с иранскими религиозными традициями обычай препарирования тела и изготовления куклы-манекена на основе костей покойника, который наиболее полно фиксируется на материалах тесинских коллективных погребений [Там же].

Древнейшие погребения фрагментов человеческих тел, отпавших по естественным причинам, открыты в могильнике Бустон (Бустан) VI на юге Узбекистана: это более 30 могил с инвентарем, относящихся к середине — второй половине II тыс. до н. э. [Аванесова, 2013: 62–73] (рис. 7.-3). На поселении Джаркутан обнаружены «вторичные» захоронения фрагментов человеческих тел, которые датируются началом раннего железного века — XIII–XI вв. до н. э. по данным радиоуглеродного датирования; на костях выявлены следы погрызов хищных животных [Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, Mustafakulov, Rakhimov, 2015: 29–34] (рис. 7.-4–5). «В VI–IV вв. до н. э. в Северной Бактрии бытовал способ захоронения предварительно очищенных костей без погребального сооружения. Человеческие кости обнаружены внутри поселений и за их пределами, что свидетельствует о закономерном характере данного погребального обряда, возможно, связанного с выставлением трупов» [Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 44]. Погребения в оссуариях, связанные с распространением маздаистской доктрины на север, зафиксированы в Южном Приаралье начиная с IV в. до н. э., в Присарыкамьшской дельте были случаи захоронения очищенных костей в некоторых курганных погребениях, «свидетельствующие об обрядовом и религиозном синкретизме» [Хожаниязов, Хакимниязов, 2020]. К концу I тыс. до н. э. относятся самые ранние «безоссуарные» захоронения костных останков (как считается, после обряда выставления) в крупных погребальных камерах («дахмаках») и в наземных строениях-наусах на территории бывшей Северной Бактрии [Мейтарчиян, 1999: 59–63]. Уникальный случай раскопок одиночной могилы сасанидского времени (VI в.) на северо-востоке Ирана

показывает, что зороастрийский погребальный обряд предполагал возможность компактного погребения разрозненных останков покойного вместе с личным инвентарем [Hansman, Stronach, 1970]. Согласно предложенной реконструкции кости человека (найдено 140 фрагментов) после выставления были помещены в кожаный контейнер, завернуты в отрезки ткани и положены на войлочную циновку в одном из помещений заброшенной парфянской постройки вместе с золотой монетой, железным ножом и костями лошади (рис. 7.-6–7). Древние погребальные практики, восходящие к маздаистскому наследию Турана, до последних лет сохранялись в верховьях Инда (долина Пуньял, Гилгит-Балтистан). Здесь, в селении Бубур, Карл Йеттмар в 1964 г. осмотрел «дом мертвых», представлявший, как считал исследователь, воплощение автохтонных культовых традиций доисламского времени [Jettmar, 1967: 68–71] (рис. 7.-8–9). Это сооружение состоит из двух этажей. Значение верхнего, наземного этажа не поясняется. Судя по аналогии с открытыми сооружениями такого рода (см. ниже), здесь проводились поминальные обряды. В нижнем (по словам информатора) помещении на пол укладывались тела покойных до их полного разложения. После этого черепа устанавливали на полоть (суфу) вдоль задней стены, а остальные кости задвигали в ниши деревянной лопатой: в правые ниши — кости мужчин, в левые — женщин. По сообщению К. Йеттмара, подобные погребальные камеры, верхняя секция которых представляет обнесенную стеной площадку, на которой проводились поминальные обряды, существовали и в других селениях Пуньяла. Вполне возможно, что среднеазиатские «курумы» — наземные вместилища человеческих останков — также использовались для выставления тел и операций с их фрагментами [Литвинский, 1972: 209–210].

Эти примеры говорят о долговременном развитии и разнообразии обрядовой практики при сохранении главного принципа — выставление тела умершего на поверхность земли с целью облегчения перехода его души на небеса и захоронение разложившихся останков. Мэри Бойс придерживалась мнения, что зороастрийская доктрина (зафиксированная в «Хадухт-наске» [см. перевод Мейтарчян, 1999: 31]) о пребывании души умершего на земле около тела в течение трех дней до перехода ее на небеса восходит к глубокой древности и могла оказать влияние на появление и характер обряда выставления мертвых [Boys, 1996: 114, 121, 328]. Скорее всего, до-зороастрийские верования не предполагали нахождения останков умершего на поверхности в течение года (!), как того требует «Видевдат» [Vd. 7.46, см. Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 149], поэтому захоронения фрагментов или еще почти целых тел (в зависимости от условий местности, погоды и времени года) осуществлялись вскоре после проведения обрядов, облегчающих переход души в иной мир. Так в хранилища наряду с разрозненными костями попадали неразложившиеся фрагменты или даже почти целые тела.

Ритуальные площадки-платформы

Серьезным аргументом в пользу предположения о сложении тесинского погребального обряда под влиянием туранского маздаизма является наличие в раннетесинских курганах (в том числе и в кургане Аршаново-30) близ края основной могилы монументальных помостов из каменных плит и дерева, которые могли использоваться как площадки для выставления трупов.

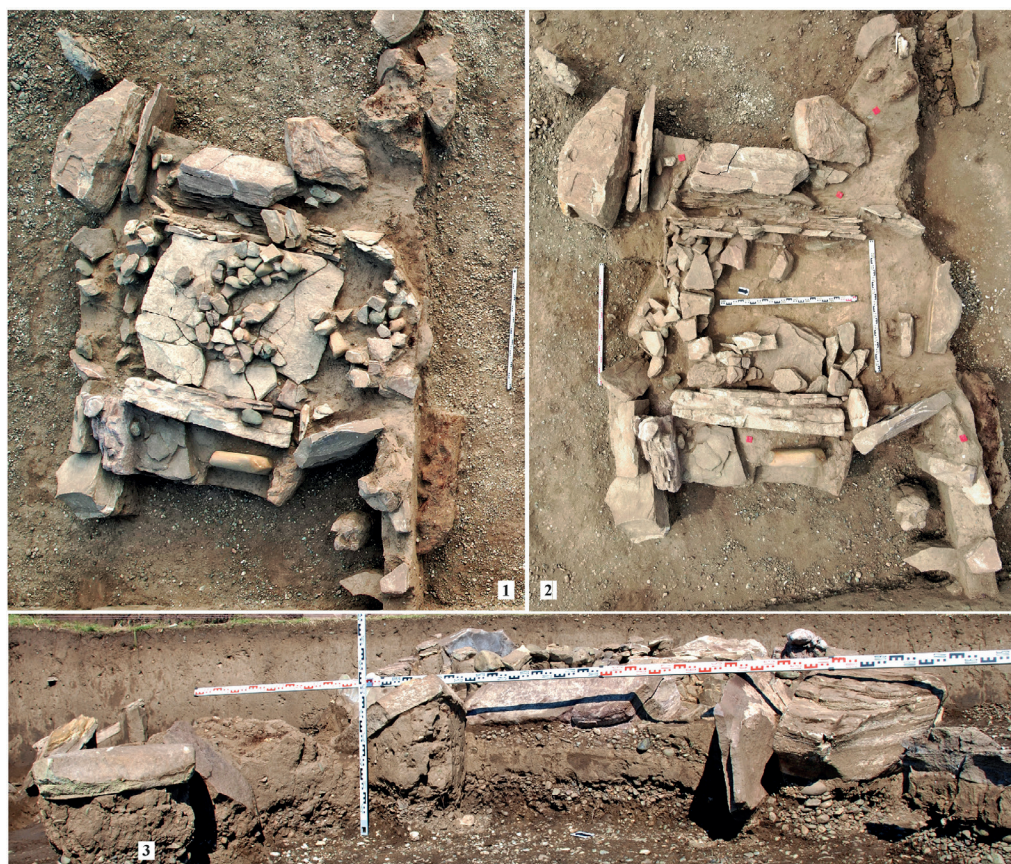

Рис. 8. Курган Аршаново-30. Ритуальная площадка (платформа) у южного края склепа. 1 — общий вид с востока; 2 — вид с востока после снятия горизонтальной плиты, грунтовой забутовки под ней и зачистки опорной каменной кладки; 3 — вид с запада на вкопанные плиты обрамления и материковый выкид из траншеи для их установки

Fig. 8. Arshanovo-30 mound. Ritual platform at the southern edge of the crypt. 1 — general view from the east; 2 — view from the east after removing the horizontal slab, the soil backfill underneath it and cleaning the supporting stonework; 3 — view from the west of the dug-in framing slabs and the dumping from the trench for their installation

При раскопках кургана Аршаново-30 выявилось, что не более чем в 3 м от середины южного борта могильной ямы склепа, в проходе, образованном западным и восточным материковыми выкидами, на уровне древнего горизонта была сооружена каменная площадка (рис. 8.-1). Ее основу составляла каменная плита размерами около 1,5×1,5 м, уложенная на опорные камни и грунтовую подсыпку мощностью до 0,3 м с целью обеспечить надлежащий уровень ее поверхности (рис. 8.-2). С запада и востока эту плиту обрамляли вкопанные в материк вертикальные плиты (с юга, видимо, была установлена такая же плита, но впоследствии она была извлечена, прослежен ровик для ее установки). Выкиды материкового щебня из ровиков для установки плит зафиксированы

на поверхности погребенной почвы (рис. 8.-3). С севера, со стороны склепа, по сторонам площадки были установлены небольшие камни, символически обозначающие проход к могиле. Между площадкой и могильной ямой под фрагментом бревна перекрытия ямы были зачищены останки головы взрослого человека⁴.

Тщательное исследование каменной конструкции показывает, что ее главным элементом была платформа — каменная плита, уложенная на подсыпку и опорные камни с небольшим наклоном к могиле. Очевидно, что площадку невозможно рассматривать как конструктивный элемент реального «входа» в склеп. А ведь подобные сооружения у других раннетесинских склепов без каких-либо оснований принято называть «входами» и даже дополнять на реконструкциях несуществовавшими стенами и потолком [Кузьмин, 2011: 76, рис. 11, 12]. Непредвзятое изучение данных полевых исследований показывает, что около склепов раннетесинских курганов на древнем горизонте фиксировались именно аналогичные платформы, составленные либо из камней, либо из камней и дерева: Большое Русло (горизонтальная плита 1,5×1,5 м на высоте 20 см, обрамленная бревнами, надстроена еще на 30 см земляной досыпкой для укладки плиты меньшего размера) (рис. 9.-1-4), Чалпан 1, к. 2 (горизонтальная плита 1×1,5 м на высоте около 30 см, обрамленная вертикальными плитками) (рис. 9.-5), Чалпан 1, к. 1 (площадка из деревянных плах на высоте 30 см, обрамленная вертикальными плитками) (рис. 9.-6), Тогр-Таг (площадка полуразрушена при сооружении впускной могилы 2, *in situ* сохранились вкопанные плитки обрамления, горизонтальная плита размерами в плане 2×1,5 м отвалена в сторону) (рис. 9.-7-10) [Zubkov, 2003: Abb. 5-7, 28; Кузьмин, 2011: табл. 81, 93-95, Приложение V].

Все эти площадки, как и исследованная в кургане Аршаново-30, возвышались над уровнем земли и имели дополнительное обрамление. В совокупности с данными о захоронении в склепах фрагментов тел и отдельных человеческих костей их нужно рассматривать как места для выставления трупов («дахма»), которые позволяли отделить на время мертвое («нечистое») тело от земли (приподнятая над окружающей поверхностью каменная или деревянная платформа), а также за счет обрамляющих вертикальных плит минимизировать растаскивание костей. Как предполагается, древнейшая платформа для выставления трупов — каменный настил 2×3 м в плане, приподнятый на 30 см от древнего горизонта, — исследована в южном Узбекистане на могильнике Бустон VI второй половины II тыс. до н. э. [Аванесова, 2013: 512, 519].

⁴ Череп, нижняя челюсть, атлант. Голова могла быть захоронена намеренно или откатиться с площадки в результате разложения трупа; между площадкой и ямой на уровне древнего горизонта собраны разрозненные человеческие кости

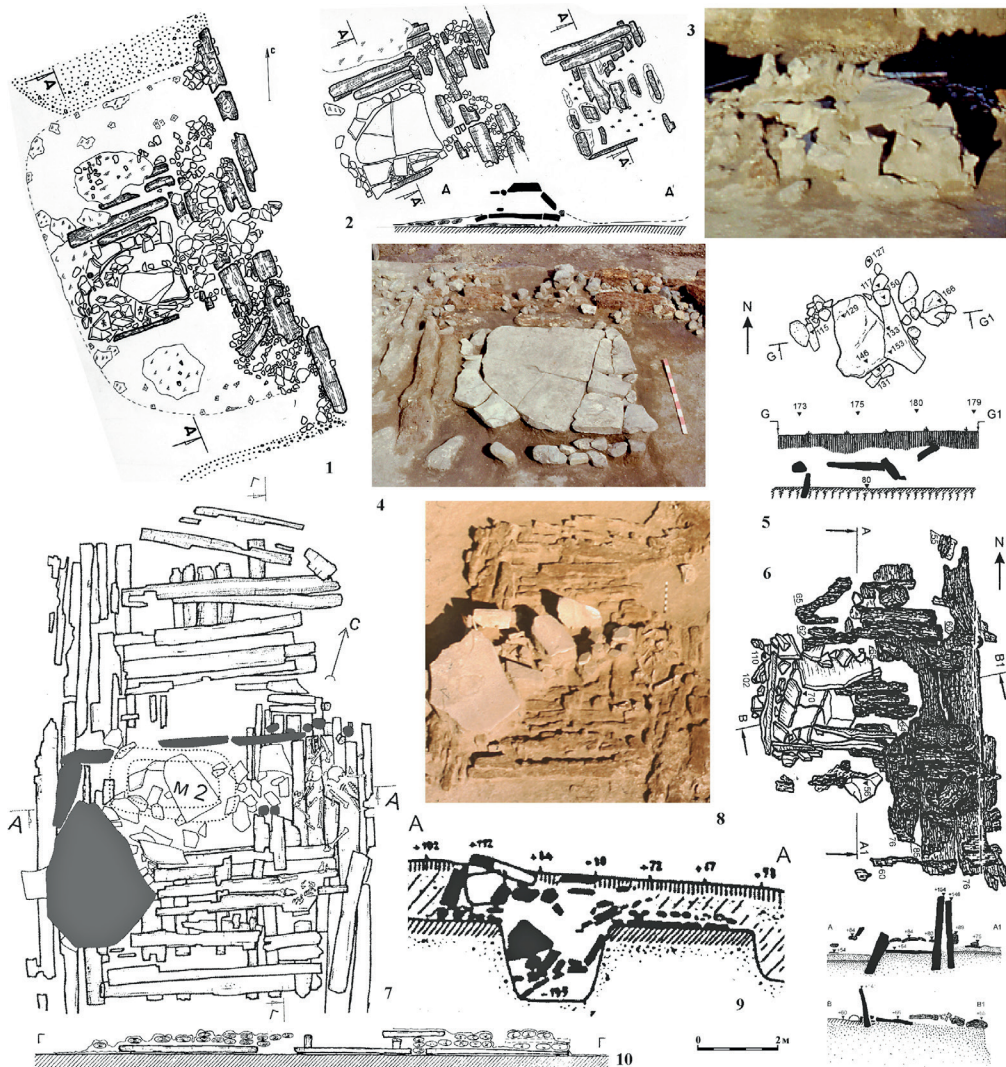

Рис. 9. Ритуальные площадки (платформы) у раннетесинских склепов. 1–4 — курган Большое Русло: 1, 2 — планы на последовательных стадиях зачистки и разрез, 3 — вид на надстроенную платформу с запада, 4 — вид на первоначальную платформу с запада; 5 — курган Чалпан 1–2, план и разрез платформы; 6 — курган Чалпан 1–1, план и разрезы платформы; 7–10 — курган Тогр-Таг: 7 — план конструкций на западном краю могильной ямы, серой заливкой отмечены вертикальные плиты обрамления, деревянные столбики и сдвинутая горизонтальная плита, 8 — общий вид конструкций с юга (в середине камни в заполнении впускной могилы 2, за ними плиты обрамления площадки), 9, 10 — разрезы.

Источники в тексте статьи

Fig. 9. Ritual sites (platforms) near the Early Tes' crypts. 1–4 — Bolshoe Ruslo mound: 1, 2 — plans at successive stages of cleaning and section, 3 — view of the secondary platform from the west, 4 — view of the original platform from the west; 5 — Chalpan 1–2 mound, plan and section of platform; 6 — Chalpan 1–1 mound, plan and sections of platform; 7–10 — Togr-Tag mound: 7 — plan of constructions on the western edge of the burial pit, grey wash indicates vertical plating, wooden posts and shifted horizontal plate, 8 — general view of constructions from the south (in the middle stones in the filling of the crypt 2, behind them plating plates of the platform), 9, 10 — sections.

of the platform; 6 — Chalpan 1–1 mound, plan and sections of the platform; 7–10 — Togr-Tag burial mound: 7 — plan of structures on the western edge of the burial pit, vertical framing slabs, wooden poles and a shifted horizontal slab are marked in grey, 8 — general view of structures from the south (in the middle, stones in the filling of the secondary grave 2, behind them, framing slabs of the platform), 9, 10 — sections. Sources in the text of the article

Заключение. Причины и датировка религиозной трансформации в тагарском обществе

То, что переход от сарагашенской к тесинской погребальной обрядности был следствием глобальной религиозной трансформации, а не эволюционного развития тагарского общества, подчеркивает самая яркая, бросающаяся в глаза особенность состава инвентаря раннетесинских захоронений: в них полностью отсутствуют предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. По сравнению с предшествующим периодом это настолько необычно, что позволяет говорить о религиозном запрете изображений, характерных для традиционного языческого культа. Отдельные находки предметов с изображениями в «зверином стиле» известны из более поздних тесинских памятников и, как правило, связаны с культурой хунну (элементы поясной гарнитуры). Отсюда обычно делается вывод о влиянии на формирование тесинских погребальных традиций экспансии хунну, вызвавшей активные перемещения центральноазиатских племен [Кузьмин, 2011: 238–239]. Однако памятники средне- и позднетесинского времени, в инвентаре которых явно влияние культуры хуннской империи (железные кинжалы и ножи с кольцевыми навершиями, бронзовые ложечковидные окончания ремешков, ажурные пряжки и т. п.), как можно теперь утверждать, датируются как минимум на 100 лет позже, чем раннетесинские склепы.

Инвентарь наиболее ранних тесинских склепов, как и «лепешкиных» захоронений, содержит многочисленные бронзовые миниатюрные и уменьшенные копии предметов (кинжалы, чеканы, ножи, зеркала, шилья, «пирамидки»). В инвентарь склепа кургана Аршаново-30 входили 26 зеркал с центральной петелькой и три с боковой, 60 ножей, 24 кинжала, 23 чекана, 9 шильев, 15 «пирамидок». Типологически эти предметы соответствуют находкам в других раннетесинских склепах. Ближайшие аналогии они находят в курганах пазырыкской культуры Алтая, которая «может быть признана самой надежно датированной из всех для своей эпохи, так как целый пласт ее памятников получил календарные даты, благодаря построению дендрошкалы, привязанной к современности» [Чугунов, 2013: 99]. В пазырыкских комплексах найдены и уменьшенные копии, и полноразмерные предметы, аналогичные копиям из сарагашенских и раннетесинских склепов [Ковалев, 2025: 266–267, рис. 4, 5]. Соответствие в пазырыкском материале имеют ножи с петлевыми отверстиями, кинжалы с брусковидным и уплощенно-грибовидным навершиями, бабочковидным (включая слабовыраженное спрямленное) перекрестьем, плоской и рубчатой рукоятями, втульчатые и проушные чеканы с округлыми в сечении бойком и обушком (включая утолщенный обух). Все реальные ножи, кинжалы и чеканы, аналогичные найденным в аршановском склепе, датируются начиная с конца VI по IV в. до н. э., их вотивные копии — с V по III в. до н. э. [Кубарев, 1987; 1990; 1992; Кирюшин, Степанова, 2004: 57, 59–60, 74, Кубарев, Шульга, 2007:

74, 81–82, 87–89; Чотбаев, 2022]. Для курганов позднепазырыкского этапа юга Горного Алтая, откуда происходит большинство приведенных на нашем рисунке уменьшенных копий вооружения, согласно построенной на материалах их срубов абсолютной дендрошкале, получена узкая датировка в пределах последней трети IV — первой четверти III в. до н. э. [Слюсаренко, 2011: 248–249], причем можно заметить, что тесинские копии гораздо более точно передают формы кинжалов и чеканов, обычно относимых к V–IV вв. до н. э. Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30, как и в других раннетесинских, а также в пазырыкских памятниках найдены разноразмерные копии кинжалов и чеканов, обычно разделяемые на «миниатюрные» и «уменьшенные». Поэтому «миниатюризация» вотивных изделий не может служить основанием для омоложения комплексов. Исходя из этого, дата склепа в кургане Аршаново-30 не должна выходить за пределы рубежа IV–III — начала III в. до н. э., близкие даты, видимо, имеют и другие раннетесинские памятники. Поздние сарагашенские курганы, где аналогичные бронзовые «уменьшенные» копии обнаружены вместе с тагарскими «штанدارтами», пин, ножами с трапециевидным окончанием, предметами в зверином стиле, должны смыкаться с ними во времени, поэтому целесообразно принять для них датировку IV — начало III в. до н. э.⁵

Это вывод подтверждают результаты радиоуглеродного датирования (AMS) двух образцов костей животных (челюсти КРС), залежавших в массе человеческих останков на дне склепа кургана Аршаново-30 (калибровка в программе OxCal v4.4.4.):

GV-04362 2271 ± 33 л. н.: 399 (42,1%) 349, 309 (53,4%) 207 гг. до н. э.;

GV-04363 2291 ± 33 л. н.: 406 (57,7%) 351, 295 (37,7%) 208 гг. до н. э.⁶

В тот же интервал укладываются современные радиоуглеродные даты (AMS), полученные по внешним годичным кольцам бревен из поздних пазырыкских курганов и использованные для привязки «плавающей» дендрошкалы: Пазырык-2 (2130 ± 40 л. н., 2170 ± 20 л. н.), Уландрык IV, курган 1 (2215 ± 25 л. н.; 2180 ± 25 л. н.) [Евразия в скифскую эпоху, 2005: 255–258].

Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30 обнаружен кувшин типичной пазырыкской формы с орнаментом в виде полосы треугольных фестонов, заполненных ямочными вдавлениями. Аналогичные сосуды с такими же орнаментальными поясками были найдены в поздних пазырыкских комплексах, в том числе в кургане 11 могильника Барбугазы I [Кубарев, 1992: 126], в кургане 1 могильника Бийск II [Суразаков, 1988: 66] и как минимум в двух курганах (41 и 43) могильника Берель [Самашев, Онгар, Жунисханов, Киясбек, Кашкинбаев, Казырхан, 2013: 160; Калиева, Кунанбаева, 2013].

Таким образом, появление на Среднем Енисее новой погребальной обрядности, предполагающей массовое захоронение фрагментов человеческих тел и отдельных ко-

⁵ Предлагавшие ранее датировки лепешкинского этапа в пределах III–I вв. до н. э. основаны на традиционном мнении о поздней дате раннетесинских склепов и убеждении в том, что найденные в сарагашенских памятниках фаянсовые бусины могли появиться на Енисее почему-то только после освоения китайцами синьцзянского отрезка Шелкового пути [см.: Вадецкая, 1999: 153–154; Герман, Субботин, Боброва, 2023: 143–144].

⁶ Благодарим Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ — Новосибирский научный центр» за проведение анализов.

стей, следует связывать с глобальной идеологической трансформацией, которая произошла под влиянием религии Турана в конце IV в. до н. э. Была ли эта индоктринация связана с приходом нового населения или она явилась следствием проповеди иноземного религиозного лидера?

Некоторые археологические данные свидетельствуют скорее о миграции группы населения из Средней Азии. Как отмечал Н. Ю. Кузьмин, отличительной чертой раннетесинской керамики является орнамент в виде поясков прочерченных треугольных фестонов, заполненных ямочными вдавлениями (курганы Большое Русло, Новосарага-шенский, Тогр-Таг, Чалпан 1, кург. 2) [Кузьмин, 2011: 201]. Как указывалось выше, сосуд с таким орнаментом типичной пазырыкской формы найден и в склепе кургана Аршаново-30, тот же орнамент украшает минимум четыре сосуда из курганов пазырыкской культуры. Ближайшие аналогии этому орнаменту представлены на сосудах из курганов кочевников северо-западного пограничья Хорезма (плато Устюрт), относящихся к концу VI — началу IV в. до н. э. (могильник Казыбаба I, группа III, курган 2 (3 сосуда), курган 4 (1 сосуд), группа VI, курган 4 (1 сосуд), курган 5 (1 сосуд) [Ягодин, Китов, Мамедов, Жамбулатов, 2022: 158–209, рис. 97]. Уникальными для раннетесинских склепов [Кузьмин, 2011: 202] являются также бронзовые подвески-пирамидки с отверстиями (в склепе Аршаново-30 их найдено 15 штук). Если считать их уменьшенными копиями реальных предметов наподобие миниатюрных кинжалов и чеканов, то их денотатами могут быть пирамидальные грузики для вертикального ткацкого станка, который был совершенно неизвестен в Сибири, в Восточной, Центральной, Внутренней Азии и мог проникнуть на Енисей только с территории Бактрии, где он вошел в обиход благодаря греческим переселенцам. Ближайший комплекс находок грузиков пирамидальной формы, типичных для Древней Греции, — нижние культурные слои Камыртепа (Александрия Оксиана) конца IV — начала III в. до н. э. [Ртвеладзе, 2017: 69]. Более определенный ответ о характере взаимодействия могут дать комплексные био-археологические исследования.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00424, <https://rscf.ru/project/25-18-00424>

Acknowledgements and funding

The work was carried out at the expense of the Russian scientific foundation (project No. 25–18–00424)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: изд. МИЦАИ, 2013. 640 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana. Вып. 7).

Вадецкая Э. Б. Сухобузимский курган (новый взгляд на старые раскопки) // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск: «Литера-Принт», 2020. Вып. VI. С. 55–70.

Виноградов Д. А. Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) // Евразия в энеолите — раннем средневековье. Инновации, контакты, трансляции идей и технологий: материалы Междунар. науч. конф. к 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 286–289.

Герман П. В., Субботин А. В., Боброва Л. Ю. Курган 29 Берёзовского могильника (раскопки М. Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднеатагарских погребальных комплексов в лесостепном районе // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 132–146.

Дашковский П. К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / ред. Г. И. Зайцева, Н. А. Боковенко, А. Ю. Алексеев, К. В. Чугунов, Е. М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Иностранцев К. А. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. Ч. 20. № 3. С. 95–121.

Калиева Ж. С., Кунанбаева Ш. Результаты технико-технологического анализа керамических коллекций Береля // Алтай — золотая колыбель тюркского мира: сборник материалов конференции. Усть-Каменогорск, 2013. С. 41–47.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 282 с.

Ковалев А. А. Датировка и перспективы интерпретации раннетесинских коллективных захоронений (по материалам раскопок кургана Аршаново-30, Республика Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2025. Dsg/281. С. 256–274.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 299 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кузьмин Н. Ю. Возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда народов Сибири в гунно-сарматское время // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тезисы докладов. Иркутск, 1982. С. 108–110.

Кузьмин Н. Ю. К методике изучения погребального обряда тагарской культуры // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: тезисы докладов. Кемерово, 1984. С. 148–151.

Кузьмин Н. Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. СПб., 1994. 60 с.

- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972. 376 с.
- Мейтарчян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 243 с.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224–235 (Археология СССР).
- Раппопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии). М.: Наука, 1971. 127 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции VI)
- Ртвеладзе Э.В. Камыртепа-Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н. э. — I в. н. э.). Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2017. 144 с. (Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. X.).
- Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев К.В. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 301 с.
- Руденко С.В. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с.
- Самашев З., Онгар А., Жунисханов А., Киясбек Г., Кашкинбаев К.А., Казырхан М. Берел 2013. Новые исследования // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 159–162.
- Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // Terra Scythica: материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 239–251.
- Спицын А.А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Записки императорского Русского археологического общества: новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1899. Т. 11. Вып. 1–2. С. 134–141.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1988. 215 с.
- Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж. Археологические памятники зороастризма в среднеазиатском междуречье (на материалах оссуарные находки в Южном Приаралье) // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2020. № 5.
- Чотбаев А.Е. Новые материалы по вооружению ранних кочевников Казахского Алтая // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.) [Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда: материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)]. Алматы: Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. Т. II. С. 312–321.
- Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 97–102.

Ягодин В. Н., Китов Е. П., Мамедов А. М., Жамбулатов К. А. Степные племена на северо-западных границах Хорезма в VI–II вв. до н. э. — II–IV вв. н. э. (по материалам курганного могильника Казыбаба I). Самарканд: МЦАИ, 2022. 430 с.

Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Mustafakulov S., Rakhimov K. The Mortuary Practices of the Early Iron Age Populations: Recent Discoveries at Dzharkutan in Northern Bactria // Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies, International Institute for Central Asian Studies (Samarkand). 2015. Vol. 22. P. 26–45.

Boys M. A. History of Zoroastrianism. Volume one. The Early Period. Third impression with corrections. Leiden: E. J. Brill, 1996. 350 p.

Hansman J., Stronach D. A Sasanian repository at Shahr-i Qūmis // Journal of the Royal Asiatic Society. 1970. Vol. 102. Iss. 2: Studies in Honour of Sir Mortimer Wheeler. P. 142–155.

Huff D. Archaeological evidence of Zoroastrian funerary practices // Zoroastrian Rituals in Context. Leiden: E. J. Brill, 2004. P. 593–630 (Numen Book Series. Studies in the history of religions; Vol. 102).

Jettmar K. The Middle Asiatic Heritage of Dardistan. (Islamic Collective Tombs in Punyal and Their Background) // East and West. 1967. Vol. 17. No. 1/2. P. 59–82.

Zubkov V. S. Çalpan-1, ein Gräberfeld der Tes» — Stufe in Südchakassien // Eurasia Aniqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. T. 9. P. 163–219 (на нем. языке).

References

Avanesova N. A. *Buston VI — nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii* [Buston VI — a necropolis of fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies publ., 2013, 640 p. (In Russian).

Chotbayev A. Ye. *Novye materialy po vooruzheniyu rannikh kochevnikov Kazakhskogo Altaya* [New materials on the armament of the early nomads of the Kazakh Altai]. *Eýraziyalıq dalalyq órkeniet: adam jáne tarihi-mádeni orta. Eýrazia dalasynyń arheologiasy V halyqaralyq kongresiniń materialdary (Türkistan q., 11–14 qazan 2022 j.)* [Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes]. Almaty: Türkistan: Ә. ҚН. Марғұлан ат. Археология институты, 2022, vol. 2, pp. 312–321 (in Russian).

Chugunov K. V. *Aktual'nye problemy khronologii pamyatnikov epokhi rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii i Sibiri* [Current problems of the chronology of early nomads sites of Central Asia and Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2013, no. 3, pp. 97–102 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ya (otchestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)* [The worldview of the nomads of Sayano-Altai and adjacent territories of late Antiquity and the Early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Altai University publ., 2011. 244 p. (In Russian).

German P. V., Subbotin A. V., Bobrova L. Yu. *Kurgan 29 Berozovskogo mogil'nika (raskopki M. N. Pshenitsynoi 1981 goda): k atributsii pozdnetagarskikh pogrebal'nykh kompleksov v lesostepnom rayone* [Mound No. 29 of the Berezovsky burial ground (excavations by

M. N. Pshenitsyna in 1981): towards the attribution of late Tagar burial complexes in the forest-steppe region]. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii Nauk* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the RAS]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2023, no. 29, pp. 132–146 (in Russian).

Inostrantsev K. A. O drevne-iranskikh pogrebal'nykh obychayakh i postroikakh [About ancient Iranian funeral customs and buildings]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Public Education. New series]. 1909, vol. 20, no. 3, pp. 95–121 (in Russian).

Kaliyeva Zh. S., Kunanbayeva Sh. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskikh kollektzii Berelya [Results of technical and technological analysis of ceramic collections of Berel]. *Sbornik materialov konferentsii «Altai — zolotaya kolybel' tyurkskogo mira»* [Papers on the conference «Altai — the golden cradle of the Turkic world»]. Ust'-Kamenogorsk, 2013, pp. 41–47 (in Russian).

Khozhaniyazov G., Khakimniyazov Zh. Arkheologicheskie pamyatniki zoroastrizma v sredneaziatskom mezhdurech'e (na materialakh ossuarnye nakhodki v Yuzhnom Priaral'ye) [Archaeological monuments of Zoroastrianism in the Central Asian interfluvium (based on ossuary finds in the Southern Aral Sea region)]. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Universum: Social Sciences: electronic scientific journal]. 2020, no. 5. (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' 3: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni* [Scythian era of Gorny Altai. Part 3: Burial complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Altai State University publ., 2004, 282 p. (In Russian).

Kovalev A. A. Novye perspektivy interpretatsii i datirovki rannetesinskikh kollektivnykh zakhoronenii (po materialam raskopok kurgana Arshanovo-30, Respublika Khakasiya) [New Prospects for Interpretation and Dating of Early Tes' Mass Graves (Based on Excavation Results of the Arshanovo-30 Burial Mound, Republic of Khakassia)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk* [Brief Reports of the Institute of Archaeology of the RAS], 2025, iss. 281, pp. 256–274 (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sailyugema* [Saylyugem burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 220 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [Ulandryk burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 299 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Yustyda* [Yustyd burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (In Russian).

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chuya and Ursul burial mounds)]. Barnaul: Altai State University publ., 2007, 282 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. K metodike izucheniya pogrebal'nogo obryada tagarskoi kul'tury [On the methodology of studying the burial rite of the Tagar culture]. *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiya. Tezisy dokladov* [Scythian-Siberian world. Art and ideology. Abstracts]. Kemerovo, 1984, pp. 148–151 (in Russian).

Kuz'min N. Yu. *Kurgan u derevni Novomikhailovka. Problemy izucheniya kul'tury stepnykh plemen Eniseya V–III vv. do n. e.* [Mound near the village of Novomikhaylovka. Problems of studying the culture of the steppe tribes of the Yenisei in the 5th-3rd centuries BC]. St. Petersburg, 1994, 60 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [Funeral monuments of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tes' culture]. St. Petersburg: Aysing, 2011, 456 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. *Vozmozhnosti interpretatsii nekotorykh chert pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri v gunno-sarmatskoe vremya* [Possibilities of interpretation of some features of the burial rite of the peoples of Siberia in the Hun-Sarmatian period]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov* [Problems of archeology and ethnography of Siberia. Abstracts]. Irkutsk, 1982, pp. 108–110 (in Russian).

Litvinskiy B. A. *Kurgany i kurumy Zapadnoi Fergany* [Mounds and kurums of Western Fergana]. Moscow: Nauka, 1972, 376 p. (In Russian).

Meytarchiyan M. B. *Pogrebal'nyi obryad zoroastriitsev* [Funeral rite of the Zoroastrians]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999, 243 p. (In Russian).

Pshenitsyna M. N. *Tesinskii etap* [Tes' Period]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 224–235 (in Russian) (Arkheologiya SSSR [Archeology of the USSR]).

Rappoport Yu. A. *Iz istorii religii Drevnego Khorezma (ossuarii)* [From the history of religion of Ancient Khorezm (ossuaries)]. Moscow: Nauka, 1971, 127 p. (In Russian).

Rtveladze E. V. *Kamyrtapa-Aleksandriya Oksianskaya: gorod-krepost' na beregu Oksa v ellinisticheskoy i postellinisticheskoy vremya (konets IV v. do n. e. — I v. n. e.)* [Kamyrtapa-Alexandria of Oxus: a fortress city on the banks of the Oxus in the Hellenistic and post-Hellenistic times (late 4th century BC — 1st century AD)]. Tashkent: «San'at» Magazine publ., 2017, 144 p. (In Russian).

Rtveladze E. V., Saidov A. Kh., Abdullaev K. V. *Avesta «Zakon protiv devov» (Videvdat)* [Avesta «The Law against the Devas» (Videvdat)]. St. Petersburg: Polytechnic University publ., 2008, 301 p. (In Russian).

Rudenko S. V. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya* [The culture of the Central Altai people in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1960, 350 p. (In Russian).

Samashev Z., Ongar A., Zhuniskhanov A., Kiyasbek G., Kashkinbayev K. A., Kazyrkhan M. Berel 2013. *Novye issledovaniya* [Berel 2013. New research]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana* [Works of the branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana]. Astana: A. H. Margulan FIA Publishing Group in Astana, 2013, vol. 2, pp. 159–162 (in Russian).

Slyusarenko I. Yu. *Datirovanie skifskikh drevnostei Evrazii: sovremennye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy* [Dating of Scythian antiquities of Eurasia: modern trends, achievements, problems, prospects]. «*Terra Scythica*»: *materialy mezhdunarodnogo*

simpoziuma [«Terra Scythica». Proceedings of the international symposium]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2011, pp. 239–251 (in Russian).

Spitsyn A. A. Kollektivnye mogily v verkhov'yakh Eniseya i Chulyma [Mass graves in the upper reaches of the Yenisei and Chulyum]. *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva: novaya seriya. Trudy otdeleniya slavyanskoi i russkoi arkheologii* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society: new series. Transactions of the Department of Slavic and Russian Archaeology]. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1899, vol. 11, no. 1–2., pp. 134–141 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural demarcation]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk branch of the Altai Book Publishing House, 1988, 215 p. (In Russian).

Vadetskaya E. B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya [Archaeological sites in steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (in Russian).

Vadetskaya E. B. Sukhobuzimskii kurgan (novyi vzglyad na starye raskopki) [Sukhobuzimsky burial mound (a new look at old excavations)]. *Yeniseiskaya provintsiya: al'manakh* [Yenisei province. Almanac. Issue VI]. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2020, iss. VI, pp. 55–70 (in Russian).

Vadetskaya E. B. *Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedeniye, 1999, 440 p. (in Russian).

Vinogradov D. A. Pogrebenie tesinskogo vremeni v Krasnoyarske. (predvaritel'noe soobshchenie) [Burial of the Tes' time in Krasnoyarsk. (preliminary report)]. *Evrasiya v eneolite — rannem srednevekove. Innovatsii, kontakty, translyatsii idei i tekhnologii* [Eurasia in the Eneolithic — Early Middle Ages. Innovations, contacts, transmission of ideas and technologies]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 286–289 (in Russian).

Yagodin V. N., Kitov Ye. P., Mamedov A. M., Zhambulatov K. A. *Stepnye plemena na severo-zapadnykh granitsakh Khorezma v VI–II vv. do n. e. — II–IV vv. n. e. (po materialam kurgannogo mogil'nika Kazybaba I)* [Steppe tribes on the northwestern borders of Khorezm in the VI–II centuries BC — II–IV centuries. AD (based on materials from the Kazybaba I burial mound)]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies publ., 2022, 430 p. (In Russian).

Zaytseva G. I., Bokovenko N. A., Alekseyev A. Yu., Chugunov K. V., Skott Ye. M. (eds.) *Evrasiya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian era: radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza, 2005, 290 p. (In Russian).

Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Mustafakulov S., Rakhimov K. The Mortuary Practices of the Early Iron Age Populations: Recent Discoveries at Dzharkutan in Northern Bactria. *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*, International Institute for Central Asian Studies (Samarkand), 2015, vol. 22, pp. 26–45.

Boys M. A. *History of Zoroastrianism. Volume one. The Early Period. Third impression with corrections*. Leiden: E. J. Brill, 1996, 350 p.

Hansman J., Stronach D. A Sasanian repository at Shahr-i Qūmis. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1970, vol. 102, iss. 2: Studies in Honour of Sir Mortimer Wheeler, pp. 142–155.

Huff D. Archaeological evidence of Zoroastrian funerary practices. *Zoroastrian Rituals in Context*. Leiden: E. J. Brill, 2004, pp. 593–630 (Numen Book Series. Studies in the history of religions; Vol. 102).

Jettmar K. The Middle Asiatic Heritage of Dardistan. (Islamic Collective Tombs in Punyal and Their Background). *East and West*, 1967, vol. 17, no. 1–2, pp. 59–82.

Zubkov V. S. Čalpan-1, ein Gräberfeld der Tes' — Stufe in Südchakassien [Čalpan-1, a cemetery of the Tes' stage in Southern Khakassia]. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* [Eurasia Antiqua. Journal for the Archaeology of Eurasia]. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003, vol. 9, pp. 163–219 (in German).

Статья поступила в редакцию: 14.09.2025

Принята к публикации: 25.02.2025

Дата публикации: 30.06.2026